

ВИКТОРИЯ ШВАБ

WILD

БЕСТСЕЛЕР NEW YORK TIMES

ОТ АВТОРА РОМАНА «ЗЛО»

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА

ПО ВЫБОРУ ЧИТАТЕЛЕЙ

GOODREADS

В 2018 Г.

Злодеи

Виктория Шваб

Месть

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шваб В. Э.

Мечь / В. Э. Шваб — «Эксмо», 2018 — (Злодеи)

ISBN 978-5-04-247864-2

Его первая смерть была жестокой. Но вторая смерть оказалась страшнее. Последние десять лет Виктор жил мечью. Но достигнув цели, замер в нерешительности. Забрав двух союзников, он покидает Мерит и замечает следы, а Эли... платит за совершённое им зло страшную цену. Спустя пять лет город окрашивается всполохами огня: именно так заканчиваются когда-то прекрасные отношения. Но Марселе Риггинс никто не нужен. Оправившись от встречи со смертью, она наконец обретает контроль, к которому всегда стремилась, и использует свою новообретённую силу, чтобы поставить Мерит на колени. Пока девушка собирает вокруг себя союзников, преследующих свои цели, два самых печально известных ЭкстраОрдинарных вступают в новую схватку. Сцену Мерита снова готовят к окончательной, страшной расплате — и никто не уйдёт от её пламени.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-247864-2

© Шваб В. Э., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Сотворение	6
Шесть недель назад Окрестности Мерита	6
Возрождение	13
I. Четыре недели назад. Хэллоуэй	13
II. Пять лет назад. Кладбище Мерита	15
III. Четыре недели назад. Хэллоуэй	18
IV. Пять лет назад. Першинг	19
V. Четыре с половиной года назад. Фултон	22
VI. Четыре недели назад. Хэллоуэй	27
VII. Четыре года назад Дрезден	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В. Э. Шваб

Мечь

V. E. Schwab
VENGEFUL

Copyright © 2018 by Victoria Schwab

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk,
New York, U.S.A.

Перевод с английского языка *Е. Музыкантовой* под редакцией *Е. Николенко*

© Музыкантова Е. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Маме, Холли и Мириам, самым сильным женщинам в моей жизни

Если собираешься отомстить, копай две могилы – одну для себя.
Дуглас Хортон

Сотворение

Шесть недель назад Окрестности Мерита

В ту ночь, когда Марсела умерла, она приготовила мужу его любимый ужин.

Не потому, что был какой-то особый повод, как раз наоборот – спонтанность, как твердят все специалисты, залог семейного счастья. Марсела сама не знала, верит ли в это, но определенно хотела попробовать себя в готовке. Ничего особенного – хороший обваленный в черном перце бифштекс, запеченный батат и бутылка мерло.

Но часы пробили шесть, а Маркус так и не явился домой.

Марсела убрала еду в духовку, чтобы не остыла, а сама подошла к зеркалу в коридоре. Поправила помаду, распустила длинные черные волосы, снова собрала их в небрежный узел, оставив пару прядей, разгладила расклевшенное платье. Люди считали ее красивой от природы, но далеко эта пресловутая власть природы не простиралась. На самом деле Марсела шесть дней в неделю по два часа проводила в спортзале, шлифуя, растягивая и доводя до совершенства каждый из ста семидесяти восьми сантиметров своего гибкого тела, и никогда не выходила из спальни, не накрасившись. Нелегкая жизнь, но ведь и брак с Маркусом Андовером Риггинсом, более известным как Марк-Акула, правой рукой Тони Хитча, тоже подарком не назвать.

Семейная жизнь была сложной – но оно того стоило.

Мать любила говаривать, мол, дочь нечаянно умудрилась поймать на крючок самую крупную рыбу. Вот только матушка и не догадывалась: Марсела цепляла наживку, уже точно зная, кого хочет выудить. И поймала именно то, что собиралась.

Вишнево-красные туфли на шпильках процокали по деревянному полу, затем звук шагов поглотил шелковый ковер. Марсела внесла последние штрихи в оформление стола и зажгла двадцать свечей на паре напольных железных канделябров, что стояли у двери.

Маркус их ненавидел, но в кои-то веки Марселе было плевать на мнение мужа. Она обожала канделябры: длинные стержни и изогнутые рожки, словно прямиком из французских замков. Они придавали дому флер роскоши. «Новые» деньги можно было выдать за «старые».

Марсела глянула на часы – уже семь, – но подавила желание позвонить. Пламя быстрее потухнет, если не давать ему распространиться. Кроме того, если Маркус занят по работе, то дело прежде всего.

Марсела налила себе бокал вина и прислонилась к стойке, представляя, как сильные руки мужа смыкаются на чьем-то горле. Или держат чью-то голову под водой, ломают кому-то челюсть. Однажды он заявился домой, перепачканный чужой кровью, и Марсела трахнула его прямо здесь, на мраморном островке посреди кухни, пока в ребра упиралось стальное дуло пистолета, который Маркус не успел вынуть из кобуры.

Люди думали, Марсела любит мужа вопреки его ремеслу. На самом деле она любила супруга за то, чем он занимался.

Но стрелка на часах миновала восьмерку, поползла к девятке, и возбуждение медленно превратилось в раздражение. А к тому моменту, когда входная дверь наконец распахнулась, раздражение уже переплавилось в гнев.

– Прости, дорогая.

Если муж выпивал, его неизменно выдавал голос, что замедлялся до ленивого рокота. Но на этом все. Он никогда не шатался, не путался в собственных ногах, у него никогда не тряслись руки. Нет, Маркус Риггинс был куда крепче – но и у него имелись свои слабости.

– Я не сержусь, – отозвалась Марсела и тут же на себя разлилась: все-таки не смогла скрыть раздраженные нотки.

Хотела уйти на кухню, но Маркус перехватил Марселу за запястье и так резко дернул к себе, что она потеряла равновесие. Муж обнял ее, и она посмотрела ему в лицо.

В то время как талия Марселы за прошедшие годы лишь постройнела, талия Маркуса слегка раздалась, прекрасное тело пловца с каждым годом все больше теряло форму, но песочно-каштановая шевелюра не поредела, и глаза сохранили глубокий синий оттенок сланца или темной воды. Маркус всегда привлекал внимание, хотя неизвестно, сколько в том было заслуги дорогих костюмов, а сколько – той манеры, с которой он шел по жизни: словно ждал, что все уберутся у него с дороги. Обычно так и происходило.

– Роскошно выглядишь, – прошептал Маркус, и Марсела ощутила, как в бедро упирается твердый член. Увы, ей уже перехотелось.

Марсела провела ногтями по небритой щеке мужа.

– Голоден, милый?

– Всегда, – прорычал он ей в шею.

– Хорошо. – Марсела отступила прочь и разгладила подол. – Ужин на столе.

* * *

Алая капля вина стекла по бокалу на белую скатерть, точно пот. Марсела налила слишком много, от нарастающего раздражения руки плохо слушались. Маркус, похоже, пятно не заметил. Да он вообще ничего не замечал.

– За мою красавицу-жену.

Маркус никогда не читал перед едой молитву, зато всегда произносил тост, с самой их первой встречи. Не имело значения, сколько за столом человек – двадцать или двое. Поначалу Марсела находила это милым, но со временем жест стал пустым, заученным. Не искренне оча-

ровательным, а рассчитанным на очарование. Однако Маркус каждый раз исправно произносил слова и, похоже, тем самым проявлял свою любовь. Ну или просто был человеком привычки.

Марсела подняла свой бокал.

– За моего красавца-мужа, – автоматически ответила она.

И уже почти поднесла вино к губам, когда вдруг заметила пятно на манжете Маркуса. Сперва приняла за кровь, но кровь не может быть такой яркой и розовой.

Помада.

В памяти мгновенно всплыли слова других жен мафиози.

«Начинает отводить глаза?»

«Меняет женщин как перчатки?»

«Все мужики козлы».

Маркус резал бифштекс, что-то болтал про страховку, но Марсела уже его не слушала. Перед глазами встала картина: муж проводит большим пальцем по накрашенным женским губам, приоткрывая их костяшкой.

Марсела стиснула бокал. Ее бросило в жар, хотя в желудок упал ледяной ком.

– Что за гребаное клише.

– Прости? – переспросил Маркус, не переставая жевать.

– Твой рукав.

Он безразлично глянул на розовое пятно. Ему даже не хватило совести изобразить удивление.

– Наверное, твоя, – сказал Маркус, будто Марсела хоть раз использовала такой оттенок, что-то настолько вульгарное и пош...

– Кто она?

– Seriously, Марс...

– *Кто* она?! – требовательно рявкнула Марсела, на скулах у нее заходили желваки.

Маркус наконец перестал есть, откинулся на спинку стула и посмотрел на жену.

– Никто.

– То есть ты трахаешься с призраком?

Он закатил глаза, тема явно была ему скучна – какая ирония, ведь Маркус обожал поговорить обо всем, что его касалось.

– Марсела, ревность тебе не к лицу.

– Двенадцать лет, Маркус. Двенадцать. И после всего ты не удержал член в штанах?

На его лице мелькнуло удивление, и на Марселу обрушилась горькая правда: ну конечно, муж не первый раз пошел налево. Просто впервые попался.

– И сколько это уже продолжается? – холодно поинтересовалась она.

– Забей, Марс.

Забить? Словно его измена – как вот этот бокал, мелочь, которая невзначай попала под руку и которую так же легко можно отбросить.

И дело даже не в самом предательстве – Марсела была способна простить многое во имя той жизни, которую себе выстроила, – а во взглядах других женщин, тех самых взглядах, что она всегда принимала за завистливые. В постоянных предупреждениях остальных «первых жен», в их полуулыбках. Лишь теперь Марсела поняла: они все знали, знали уже бог ведает сколько времени – а вот она нет.

«Забей».

Марсела отставила бокал. И взяла нож для мяса. У мужа хватило наглости только фыркнуть в ответ. Будто Марсела не умела обращаться с ножом. Будто не слушала истории Маркуса, не просила рассказать поподробнее. Будто сам он не трепался о работе, когда выпивал. Будто Марсела не упражнялась потом на подушке. На пакете с мукой. На бифштексе.

– И что ты собираешься делать? – снисходительно поинтересовался Маркус, подняв бровь.

Как глупо, должно быть, она выглядела в его глазах: холеная красotka сжимает украшенную монограммой рукоять ножа своими наманикюренными пальчиками.

– Куколка, – проворковал Маркус, и ярость всколыхнулась в груди Марсела.

Куколка. Детка. Дорогая. Это вот так он ее воспринимал, после всего, через что они прошли? Как нечто беспомощное, хрупкое, слабое, нечто *декоративное*, хрустальную статуэтку, весь удел которой стоять на полке и красиво сиять?

Когда Марсела не отступила, взгляд Маркуса потемнел.

– Не хватайся за нож, если не собираешься пустить его в ход...

Возможно, она и правда была хрустальной.

Но стекло хрупкое ровно до тех пор, пока его не разобьешь.

Дальше оно становится острым.

– Марсела...

Она бросилась на Маркуса, с удовольствием заметив, как глаза мужа чуть расширились от удивления. Он резко отпрянул, расплескав бурбон. Нож едва чиркнул по шелковому галстуку, а в следующий миг ладонь Маркуса с размаху впечаталась в лицо Марсела. Во рту у нее появился вкус крови, на глаза навернулись слезы. Под звон тончайшего фарфора Марсела рухнула на дубовый стол.

Она не выпустила нож, но Маркус прижал ее запястье к столешнице с такой силой, что аж кости захрустели.

Он и ранее проявлял грубость, но всегда только в пылу страсти, в ответ на невысказанный сигнал – и этот сигнал неизменно подавала сама Марсела.

Но только не в этот раз.

Маркус являл собой девяносто килограммов чистой силы, зарабатывал на жизнь, ломая вещи. Ломая людей. Он досадливо прищелкнул языком – словно это Марсела повела себя глупо. Раздула из мухи слона. Лично его спровоцировала. Вынудила трахнуть другую женщину. Разрушить все, над чем сама же столько трудилась.

– Ах, Марс, ты всегда умела меня завести.

– Отпусти, – прошипела она.

Маркус склонился к ней вплотную, провел рукой по ее волосам и накрыл ладонью щеку.

– Если обещаешь играть по правилам.

Он улыбался. Улыбался. Словно все это – очередная игра.

Марсела плюнула кровью ему в лицо.

Муж испустил долгий страдальческий вздох. А потом ударил ее головой об стол.

Мир взорвался белой вспышкой. Марсела не помнила, как упала, но когда к ней вернулось зрение, она лежала на шелковом ковре рядом со стулом. Голова пульсировала от боли. Марсела попыталась подняться, но помещение накренилось. К горлу подступил ком, она перекадилась на бок. Ее вырвало.

– Тебе стоило остановиться, – заметил Маркус.

Кровь залила глаз, окрашивая столовую в алые тона. Внезапно муж опрокинул ближайший канделябр.

– Всегда их ненавидел.

Светильник еще не успел рухнуть на пол, а пламя по пути облизало шелковые занавески.

Марсела встала на четвереньки. Она двигалась с трудом, будто под водой. Медленно, слишком медленно.

Маркус стоял в дверях и смотрел. Просто смотрел.

Нож сверкал на паркете. Марсела потянулась к нему сквозь густой воздух. И уже почти достала, когда сзади на нее обрушился удар. Маркус опрокинул второй канделябр. Тяжелый светильник пригвоздил ее к полу.

Пламя распространилось с невероятной скоростью. С занавесок оно перекинулось на лужу разлитого бурбона, а оттуда на скатерть и ковер. Теперь огонь полыхал повсюду.

– А у нас неплохо получалось, Марс, – пробился сквозь морок голос Маркуса.

Заносчивый улюдок. Будто во всем этом была хоть малейшая его заслуга.

– Ты без меня никто, – невнятно произнесла она. – Я тебя сотворила, Маркус. – Марсела попыталась сдвинуть канделябр. Тщетно. – Я тебя и уничтожу.

– Люди много чего болтают перед смертью, милая. Я уже все это слышал.

Жар заполнил помещение, легкие, голову. Марсела закашлялась, но отдышаться никак не получалось.

– Я тебя *уничтожу*.

Ответа не последовало.

– Слышишь, Маркус?

Ничего, тишина.

– Я тебя уничтожу!

Марсела кричала, пока не сорвала горло, пока дымом не заволочло зрение. Собственный голос эхом отдавался в голове, последние мысли провожали Марселу все дальше, дальше, в темноту.

Я тебя уничтожу.

Я уничтожу.

Я...

* * *

Офицер Перри Карсон уже почти час не мог пройти двадцать седьмой уровень игры, когда его отвлек рокот мотора. Перри поднял голову и увидел, как черный седан Маркуса Риггинса выезжает с вымощенной серым камнем площадки, образующей полукруг перед особняком. Машина вылетела на дорогу, на добрых тридцать километров превышая допустимый в пригороде скоростной режим, но Карсон сидел не в патрульном экипаже, а даже если бы и так, то не для того он последние три недели торчал в этой дыре и питался мерзким жирным фастфудом, чтобы арестовывать Риггинса за мелочовку.

Нет, полицейскому департаменту Мерита требовалась рыбка покрупнее, а не один только Марк-Акула. Им хотелось накрыть все криминальное море.

Перри откинулся на потертое кожаное сиденье и вернулся к игре. И как раз одолел двадцать седьмой уровень, когда почувал дым.

Опять какой-то придурок развел костер без разрешения. Перри с прищуром уставился в окно – уже поздно, половина одиннадцатого, так далеко от Мерита небо совершенно черное, а на черном дыме не рассмотреть.

Зато всполохи огня – запросто.

Офицер выскочил из своей машины и перебежал улицу. Пламя озарило окна особняка Риггинсов. Карсон на ходу набрал службу спасения. Входная дверь, слава богу, оказалась не заперта, и Перри распахнул ее, уже мысленно составляя рапорт.

Напишет, мол, дверь была приоткрыта, он услышал, как кто-то зовет на помощь – хотя на деле не слышал *ничего*, кроме треска горящего дерева и свиста пламени, что облизывало стены.

– Полиция! – крикнул Перри куда-то в дым. – Есть тут кто-нибудь?

Он видел, как Марсела Риггинс вернулась домой. Но не видел, чтобы она потом уезжала. Седан промчался быстро, но сомнений не оставалось – на пассажирском сиденье никого не было.

Перри закашлялся в рукав. Вдалеке уже завывали сирены. Он знал, что должен вернуться на улицу, подождать снаружи, где воздух свежий, прохладный и безопасный.

Но потом завернул за угол и увидел тело, придавленное железкой размером с вешалку. Свечи растаяли, но Перри догадался, что это канделябр. Кто вообще держит в доме такие канделябры?

Карсон схватился за стойку, но тут же отдернул руку и выругался. Канделябр раскалился, металлические рожки уже прожгли платье Марселы в местах соприкосновения с телом. Кожа покраснела и припухла, но женщина не плакала, не кричала.

Она вообще не шевелилась. Ее глаза были закрыты, висок блестел от крови, что сравнялась по цвету с черными волосами.

Перри попытался найти у нее пульс. Едва осязаемый трепет словно угасал прямо под пальцами. Огонь все разгорался. Дым становился гуще.

– Черт, черт, черт, – бормотал Перри, оглядывая комнату под звук сирен.

Кувшин с водой опрокинулся на салфетку, и она уцелела. Перри обмотал ею руку, ухватился за канделябр и со всей силы потянул железный брус. Мокрая ткань зашипела, жар опалил пальцы. Перри как раз успел откатить канделябр с тела Марселы, и тут в прихожей зазвучали голоса. В дом ворвались пожарные.

– Сюда! – прохрипел Карсон, задыхаясь от дыма.

Пара мужиков пробилась сквозь марево за секунду до того, как потолок застонал, и люстра обрушилась на обеденный стол. Он треснул, вспыхнул... Следующее, что запомнил Перри – как его тащат прочь из комнаты и горящего дома в холодную ночь.

За ними бежал другой пожарный, перекинув через плечо безжизненное тело Марселы.

Тяжелые машины стояли прямо на аккуратно подстриженном газоне, огни «Скорой» бликовали на серой брусчатке перед домом.

Особняк пылал, руки пульсировали от боли, легкие горели, но Перри на все это было плевать. Единственное, что его сейчас волновало – жизнь Марселы Риггинс. Марселы, которая всегда улыбалась и дерзко махала копам, когда те пытались сесть ей на хвост. Марселы, которая никогда в жизни не донесла бы на своего нечистоплотного муженька.

Но судя по глубокой ране у нее на голове, горящему дому и спешному отъезду Маркуса, имелся шанс, что дамочка пересмотрит свою позицию. И Карсон не собирался упускать этот шанс.

Шланги выплевывали в огонь струи воды, Перри кашлял, но увернулся от предложенной кислородной маски. Двое медиков занесли Марселу в машину «Скорой» и уложили на носилки.

– Она не дышит, – сказал один, расстегивая ей платье.

Перри потрусил к ним.

– Пульса нет, – сообщил другой, начиная реанимацию.

– Так запустите его! – рявкнул Перри, заскакивая в карету «Скорой». Труп в качестве свидетеля не представишь.

– Сатурация падает, – сказал первый, закрывая рот и нос Марселы кислородной маской.

У нее была слишком высокая температура; медики принялись обкладывать виски, шею и запястья пострадавшей охлаждающими пакетами. Последний неохотно принял Карсон.

На маленьком экране появился пульс Марселы – ровная неподвижная линия.

Карета «Скорой» ехала прочь от места происшествия, горящий дом стремительно уменьшался в окне машины. Три недели Карсон просидел напротив особняка. Три года пытался

накрыть банду Тони Хатча. Судьба предоставила идеального свидетеля, и будь Перри проклят, если сдастся без боя.

Третий медик попытался заняться обожженной рукой Карсона, но тот увернулся и кивнул на Марселу:

– Ей займитесь.

Сирены прорезали ночь, а бригада все пыталась втолкнуть воздух в легкие Марселы, заставить ее сердце биться. Раздуть жизнь из пепла.

Тщетно.

Марсела лежала на носилках обмякшая, помертвевшая, и надежда Перри начала меркнуть, угасать.

А потом, где-то между двумя толчками, жутко неподвижная линия пульса дернулась, запнулась и наконец запищала.

Возрождение

I. Четыре недели назад. Хэллоуэй

– Я два раза повторять не буду, – сказал Виктор Вейл, пока механик полз прочь от него по бетонному полу гаража. словно эти пара метров что-то изменят. Виктор медленно и уверенно шел следом, наблюдал, как мужчина загоняет себя в угол.

Джек Линден, сорок три года, пятичасовая щетина, грязь под ногтями и способность чинить вещи.

– Я же сказал, – ответил Линден и нервно подпрыгнул, упершись спиной в полусобраный мотор. – Я это не могу...

– Не ври, – предупредил Виктор и сжал пистолет. Воздух затрещал от энергии.

Линден поежился и завопил:

– Не могу! Я чиню *машины*. Собираю *моторы*. Не людей. Машины – это просто. Болты, гайки, бензопроводы. С людьми все куда сложнее.

Виктор ему не поверил. Он никогда в это не верил. Да, люди чуть более сложные, с кучей нюансов, но в целом те же механизмы. Они работают, не работают, выходят из строя и чинятся. Их *можно* починить.

Виктор закрыл глаза, оценивая поток внутри своего тела. Тот уже пронзал мышцы, прошивал кости, наполнял грудь. Не слишком приятно, но когда поток достигнет пика, станет куда хуже.

– Клянусь, я бы помог тебе, если б умел, – забормотал Линден, но Виктор услышал, как механик заерзал. Как принялся на ощупь шарить по валяющимся на полу инструментам. – Верь мне... – Как взял в руку что-то металлическое.

– Верю, – ответил Виктор и распахнул глаза как раз в тот миг, когда Линден бросился на него с гаечным ключом. На полпути механик вдруг замедлился, словно в патоку угодил, а Виктор поднял пистолет и выстрелил Линдену в голову.

Звук эхом прокатился по гаражу, срикошетил от бетона и стали. Механик рухнул.

Какое разочарование, подумал Виктор, глядя, как по полу расплзается лужа крови.

Он убрал пистолет в кобуру, повернулся, но успел сделать всего три шага, прежде чем его накрыла первая волна боли. Виктор споткнулся, ухватился за корпус машины, чувствуя, как раздирает грудь.

Пять лет назад он смог бы просто повернуть внутренний выключатель, отрубить нервные окончания, заглушить все ощущения.

Но теперь выхода не было.

Нервы искрились, боль возрастала до невыносимых пределов, воздух гудел от энергии, над головой мигали лампы. Виктор потащился прочь от тела к широким металлическим дверям гаража. Попытался сосредоточиться на симптомах, свести их к фактам, статистике, измерениям и...

Убийственная сила прошила тело. Виктор содрогнулся, достал из пальто черную капю, всунул ее меж зубов за миг до того, как подломилась нога. Тело вышло из-под контроля.

Виктор сражался, сражался как всегда, но пару секунд спустя оказался на спине. Мышцы свело спазмом, сердце запнулось, сбилось с ритма...

И он умер.

II. Пять лет назад. Кладбище Мерита

Виктор открыл глаза в холодной грязной могиле. Наверху маячила подсвеченная луной белобрысая голова Синди.

Его первая смерть была жестокой: мир сузился до холодного металлического стола, жизнь превратилась в неукротимо вздымающийся поток, все нервные окончания искрились, пока Виктор не сломался, не рухнул в тяжелое тягучее ничто. Агония тянулась мучительно долго, а вот сама смерть произошла мгновенно. Весь воздух и энергия разом вылетели из легких – а минуту спустя Виктор опять вынырнул на поверхность, пока тело разрывалось от боли.

Вторая смерть оказалась страннее. Никакого всплеска электричества, ни нарастающей боли: задолго до конца он отрубил все чувства. Осталась лишь расплывающаяся лужа крови под коленями, давление меж ребер, куда Эли вонзил нож, и темнеющий мир. Жизнь ускользала от Виктора, а он проваливался в смерть плавно, точно в сон.

А потом – пустота. Время превратилось в единую неделимую секунду. Хор абсолютной тишины. Бесконечность. А потом этот идеальный миг был нарушен. Словно камешек в пруд бросили.

И Виктор вернулся. Задышал. Ожил.

Он сел, а Сидни обвила его своими тонкими ручками. Так они и замерли – оживший труп и девочка, стоящая на коленях у гроба.

– Получилось? – шепотом спросила она. Виктор понял, что Сидни имеет в виду не само воскрешение. У нее никогда не получалось оживить ЭО без последствий. Они возвращались, но возвращались неправильными, их способности искажались. Виктор осторожно прощупал линии своей силы в поисках истончившихся участков, пробелов, но все казалось прежним. Нетронутым. Целым.

Потрясающее ощущение.

– Да, – ответил он. – Получилось.

Рядом с могилой возник Митч. Бритая голова блестела от пота, татуированные руки были измазаны в грязи.

– Привет. – Он бросил лопату в траву и помог выбраться сперва Сидни, а затем и Виктору.

Дол выразил свою радость, тяжело привалившись к боку Виктора. Пес в безмолвном приветствии ткнулся крупной головой ему в ладонь.

Последний член их компании скорчился у надгробного камня. Доминик сильно смахивал на наркомана, его зрачки были расширены от... чего он там принял, чтобы заглушить неотвязную боль. Виктор чувствовал нервы солдата, истонченные и искрящие, точно оборванные провода.

Они заключили сделку: Доминик согласился помогать им в обмен на прекращение страданий. В отсутствие Виктора бедняга явно не мог сдержать слово. Теперь же Виктор выключил его боль, как иные люди выключают свет. Доминик мгновенно обмяк, напряжение сползло с его лица, точно пот.

Виктор взял лопату и протянул ему.

– Поднимайся.

Тот подчинился, размял плечи и встал на ноги. Затем все четвером принялись закапывать могилу Виктора.

* * *

Два дня.

Именно столько Виктор был мертв.

Тревожно долго. Так долго, что уже начали проявляться первые признаки разложения. Прочим, двум мужчинам, девочке и псу, пришлось скрываться у Доминика в ожидании, когда же Виктора похоронят.

– Жилье так себе, – предупредил Дом, открывая входную дверь, и не соврал: крохотная обшарпанная спальня с продавленным диваном, бетонный балкон, кухня, равномерно покрытая тонким слоем грязной посуды, но все это подходило под временное решение долгосрочной проблемы, а Виктор был не в том состоянии, чтобы размышлять о будущем, по крайней мере не с кладбищенской землей на брюках и привкусом смерти во рту.

Нужно принять душ.

Дом провел его в спальню, узкую и темную. На единственной книжной полке валялись медали и перевернутые фотографии, а на подоконнике – слишком много пустых бутылок.

Солдат откопал чистую футболку с длинным рукавом и логотипом какой-то группы. Виктор вопросительно поднял бровь.

– У меня больше ничего черного нет, – пояснил Дом, включил свет в ванной и ушел, оставив гостя одного.

Виктор разделся, стащил с себя одежду, в которой его похоронили – одежду, которую он не узнавал, не покупал, – и встал перед зеркалом, разглядывая обнаженный торс и руки.

Нельзя было сказать, что он обошелся без шрамов – вовсе нет, но ни один из них не относился к той памятной ночи в «Фалкон прайс». В голове загремело эхо выстрелов, рикошета от недостроенных стен и скользкого от крови бетонного пола. Частично она принадлежала самому Виктору, но в основном – Эли. Виктор помнил каждую нанесенную тогда рану: удары в живот, иссеченные проволокой запястья, нож Эли между ребер, – но от них не осталось и следа.

Способность Сидни была поистине исключительной.

Виктор повернул вентиль и шагнул под обжигающие струи, смывая с кожи смерть. Прощупал линии силы, сфокусировался на внутренних ощущениях, как начал делать давным-давно, когда только угодил в тюрьму. Изоляция не позволяла тестировать новообретенный дар на других, поэтому Виктор превратил собственное тело в объект для опытов, изучал все что только можно – про границы боли, замысловатую сеть нервов. Теперь же он сосредоточился и повернул рубильник сначала вниз, пока не исчезли все ощущения, а потом вверх, пока падающие на обнаженную кожу капли не превратились в ножи. Виктор стиснул зубы и вернул переключатель в обычное положение.

Затем прикрыл глаза, уперся лбом в плиточную стену и улыбнулся, слыша в голове голос Эли.

«Тебе не победить».

Однако же он победил.

* * *

В квартире было тихо. Доминик стоял на узком балконе и курил сигарету. Сидни свернулась на диване, аккуратно, точно лист бумаги. На полу, у ее ног примостился Дол, положив морду ей на руку. За столом сидел Митч, раз за разом тасуя колоду карт.

Виктор оглядел их всех.

«По-прежнему питаешь слабость к найденышам».

– Что теперь? – спросил Митч.

Два коротких слова. Никогда еще они не казались такими весомыми. Последние десять лет Виктор жил мстью. Он никогда не задумывался, чем займется дальше, но теперь, достигнув цели – Эли гнил за решеткой, – Вик замер в нерешительности. Он здесь. Он жив. Мсть была для него всепоглощающей гонкой. Теперь она исчезла и оставила ощущение неуверенности, незавершенности.

Что теперь?

Он мог их всех бросить. Исчезнуть. Это самое разумное решение: компания, особенно такая странная, неизменно бросается в глаза, а вот одиночка – нет. Талант Виктора позволял ему отвлекать внимание окружающих, воздействовать на их нервы так, что возникало слабое, но действенное отвращение. Стелл верил, будто Виктор Вейл мертв и лежит в могиле.

Виктор знал Митча шесть лет.

Сидни – шесть дней.

Доминика – шесть часов.

Каждый из компаньонов грузом висел на ногах Виктора. Лучше скинуть их, освободиться.

Так уйди, подумал он. Однако не двинулся в сторону двери.

Доминик не проблема. Они едва знакомы, их свели только необходимость и обстоятельства.

Другое дело Сидни. Виктор нес за нее ответственность. С того самого момента, как убил Серену. Никакой сентиментальности – обычные части уравнения. Коэффициент, что перешел с одной доли на другую.

А Митч? Митч, по собственному заверению, проклят. Лишь вопрос времени, когда здоровяк снова угодит в тюрьму. Скорее всего в ту, из которой и сбежал вместе с Виктором. Ради Виктора. И пусть они знакомы меньше недели, Митч никогда не бросит Сидни. Да и та вроде как привязалась к здоровяку.

Ну и конечно, оставался Эли.

Да, он сидел за решеткой, но был жив. С этим Виктор ничего не мог поделать, учитывая способности Эвера к исцелению. Но если Эли когда-нибудь выйдет на свободу...

– Виктор? – окликнул Митч, словно чуя, какой оборот приняли мысли друга.

– Мы уезжаем.

Митч кивнул, не в силах скрыть облегчение. Он всегда был открытой книгой, даже в тюрьме. Сидни потянулась, ее синие глаза уставились на Виктора в темноте. Похоже, девочка не спала.

– Куда мы отправимся? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Виктор. – Но здесь оставаться нельзя.

В комнату вернулся Доминик, неся с собой холодный воздух и запах дыма.

– Уезжаете? – встревоженно переспросил солдат. – А как же наша сделка?

– Расстояние не проблема, – ответил Виктор. Не совсем так: когда Доминик окажется вне поля зрения, Виктор не сможет *менять* установленный порог. Но сам эффект *должен* остаться. – Наш договор в силе, пока ты на меня работаешь.

– Что угодно, – поспешно кивнул Доминик.

– Раздобудь нам новую машину, – обратился Виктор к Митчу. – Хочу покинуть Мерит к рассвету.

Так и вышло.

Два часа спустя, когда первые лучи солнца прорезали небо, Митч подкатил к зданию на черном седане. Дом стоял на пороге и, скрестив руки, наблюдал, как Сидни вместе с Доллом забирается на заднее сиденье. Виктор занял место рядом с водительским.

– Уверен, что в порядке? – спросил у него Митч.

Виктор посмотрел на свои руки, размял пальцы и ощутил покалывание энергии под кожей. Если на то пошло, он чувствовал себя сильнее. Его способность стала чище, яснее, четче.

– Лучше, чем прежде.

III. Четыре недели назад. Хэллоуэй

Виктор вернулся к жизни на холодном бетонном полу.

Несколько мучительных секунд разум оставался пуст, мысли разбегались. Словно он очнулся после жесткого прихода. Виктор попытался выцепить что-то логичное, упорядоченное, рассортировать ощущения – медный привкус по рту, запах бензина, тусклый свет фонарей сквозь потрескавшиеся оконные стекла – и наконец понял, где находится.

В гараже механика.

Тело Джека Линдена темной массой валялось посреди разбросанных инструментов.

Виктор вытащил изо рта капу и сел, непослушными руками выуживая из кармана сотовый. Митч снабдил телефон самодельным устройством защиты от перенапряжения. Оно сгорело, но сотовый уцелел. Виктор включил телефон.

От Доминика пришло короткое сообщение.

«3 минуты, 49 секунд».

Отрезок времени, пока Виктор оставался мертв.

Он тихо выругался.

Слишком долго. Чересчур долго.

Смерть опасна. Каждая лишняя секунда без кислорода, без кровоснабжения наносила все больший вред. Органы могли функционировать еще несколько часов, но мозг – вещь хрупкая. В зависимости от особенностей организма человека, от характера травмы, врачи считали, что гибель мозга наступает через четыре, пять, реже шесть минут. Виктор не собирался испытывать судьбу.

Но игнорировать мрачную статистику тоже не получалось.

Виктор умирал все чаще. Смерти становились все дольше. А урон... Виктор посмотрел вниз, увидел на полу следы от электрических разрядов и осколки стекла от разбившихся ламп.

Он встал и ухватился за ближайшую машину, пока помещение не перестало шататься. По крайней мере чертов гул исчез, и на смену ему пришла благословенная тишина – правда, ее почти тут же пререзал резкий сигнал телефона.

Митч.

Виктор сглотнул, чувствуя привкус крови.

– Я возвращаюсь.

– Линдена нашел?

– Да. – Виктор оглянулся на тело. – Но не сработало. Начинай искать новую цель.

IV. Пять лет назад. Першинг

Гул начался две недели спустя после воскресения.

Поначалу он едва ощущался – легкое жужжание, настолько тихое, что Виктор списывал шум на неисправную лампу, звук мотора, бормотание телевизора в соседней комнате. Но гул не стихал.

Почти месяц спустя Виктор поймал себя на том, что стоит посреди вестибюля гостиницы и оглядывается в попытках отыскать источник звука.

– Что такое? – спросила Сидни.

– Ты тоже это слышишь?

– Что слышу? – недоуменно нахмурилась она.

Сидни явно спрашивала не о шуме, а интересовалась, что же отвлекло Виктора.

– Ничего, – покачал головой он и повернулся обратно к стойке.

– Мистер Стокбридж, – обратилась к нему администратор, – вы сняли номер на ближайšie три ночи. Добро пожаловать в отель «Плаза».

Они нигде подолгу не задерживались, кочевали из города в город, иногда останавливались в отелях, иногда снимали квартиры. Никогда не путешествовали по прямой, маршруты и отели всегда выбирали хаотично, без всякой системы.

– Как желаете расплатиться?

– Наличными, – ответил Виктор, доставая из кармана бумажник.

Они не испытывали проблем с деньгами – как говорил Митч, это была лишь последовательность из единиц и нулей, виртуальный счет в вымышленном банке. У громилы появилось новое любимое хобби: собирать мелкие суммы, отщипывать по несколько пенни от каждого доллара и хранить прибыль на куче счетов. Вместо того чтобы стирать следы преступления, Митч оставлял их слишком много, чем весьма усложнял поиски. В результате компания получала большие комнаты, мягкие кровати и пространство – все то, по чему Виктор так скучал в тюрьме.

Звук стал выше.

– Ты в порядке? – спросила Сид, глядя на Виктора. Она наблюдала за ним с самого кладбища, подмечала каждый жест, каждый шаг, словно Виктор мог вдруг сломаться и рассыпаться в прах.

– Да, – солгал он.

Однако гул не отпускал его ни в лифте, ни в номере, элегантном помещении с двумя спальнями и диваном. С ним Виктор лег, с ним же и проснулся. Гул изменился, превратился из одного только звука в ощущение. Конечности вдруг стало слегка покалывать. Не болезненно, однако неприятно. Настойчиво. Гул преследовал, становился все громче, сильнее, пока, в порыве раздражения, Виктор не отрубил все чувства и не погрузился в оцепенение. Покалывание исчезло, но гул стих до отдаленного потрескивания статики. Того, что почти удавалось игнорировать.

Почти.

Виктор сел на краю постели, чувствуя себя измотанным, больным. И это при том, что даже вспомнить не мог, когда последний раз болел! Но с каждой минутой становилось все хуже. Наконец он поднялся, пересек номер и взял пальто.

– Куда идешь? – спросила Сидни, которая устроилась на диване с книгой в руках.

– Подышать хочу, – ответил Виктор уже с порога.

Он был на полпути к лифту, когда она его настигла.

Боль.

Явилась из ниоткуда, пронзила грудь точно острый нож. Виктор ахнул и схватился за стену, пытаясь удержаться на ногах. Накатил второй приступ, внезапный, жестокий, невозможный. Рубильник оставался выключен, нервы заглушены, но боли, похоже, было все равно. Словно нечто перекрыло способность Виктора, оказалось сильнее его мощи, его воли.

Лампы ослепительно сияли, перед глазами поплыло, коридор накренился. Виктор с трудом миновал лифт, двинулся к лестнице, но едва миновал дверь, как тело вновь прошла боль, колено подломилось и тяжело ударилось о бетон. Виктор попытался встать, но мышцы свело, сердце запнулось, и он рухнул на пол.

Стиснув зубы, Виктор сражался с болью. Ничего подобного он не испытывал уже долгие годы. Десять лет, если быть точнее. После той лаборатории, ремня в зубах, холодного металлического стола, дикой агонии потока, что сжег нервы, разорвал мышцы, остановил сердце.

Нужно двигаться.

Но Виктор не мог встать. Не мог говорить. Не мог дышать. Невидимая рука поворачивала рубильник выше, выше и выше, пока наконец все не погрузилось в благословенную черноту.

* * *

Виктор очнулся на лестничной площадке.

Первое, что он ощутил: облегчение. Облегчение, что мир наконец стих, а чертов гул заткнулся. Второе: Митч тряс его за плечо. Виктор перекатился на бок и вытошнил из себя желчь, кровь и дурные воспоминания.

Лампы перегорели, но даже в темноте он сумел различить облегчение на лице Митча.

– Иисусе, – выдохнул здоровяк и отпрянул. – Ты не дышал. Пульса не было. Я уж решил, ты умер.

– Похоже, так и случилось, – ответил Виктор, вытирая губы.

– В смысле? Что произошло?

Виктор медленно покачал головой.

– Не знаю.

Виктор не любил чего-то не знать и уж точно не любил в этом сознаваться. Он встал и оперся о стену. Какой идиот, ну зачем было отрубать ощущения? Следовало изучить прогресс симптомов. Замерить эскалацию. Понять то, что, видимо, поняла Сидни: он надломился, если не сломался окончательно.

– Виктор, – начал Митч.

– Как ты меня нашел?

Здоровяк протянул ему телефон.

– Доминик позвонил. Разорался, мол, ты убрал заслонку, и ему стало так же хреново, как когда ты умер. Я попытался набрать тебя, но ты не ответил. Я шел к лифту и тут заметил, что на лестнице перегорели лампы. – Он покачал головой. – Стало не по себе...

Телефон снова ожил. Виктор забрал его у Митча и ответил:

– Доминик...

– Не смей так со мной обращаться, – оборвал его солдат. – Мы же договорились!

– Я не специально, – медленно произнес Виктор, но Доминика несло.

– Только все было нормально – и вдруг я падаю на четвереньки и стараюсь не отрубиться.

Никакого предупреждения, мне нечем заглушить боль. Ты не представляешь, каково это...

– Уж поверь, представляю, – сказал Виктор, запрокинув голову и прижавшись затылком к бетонной стене. – Но теперь все в порядке?

Судорожный вздох.

– Да, я снова в норме.

– Сколько это длилось?

– В смысле? Откуда мне знать? Как-то некогда было на часы смотреть.

Виктор вздохнул и зажмурился.

– В следующий раз обрати внимание.

– В следующий?!

Но Виктор уже повесил трубку. Он открыл глаза и увидел, что Митч за ним наблюдает.

– Это уже случилось... до?

До. Виктор понимал, о чем речь. В ту ночь, в лаборатории, жизнь поделилась на две части. До, когда он был простым человеком. И после, когда стал ЭО. Воскрешение раскололо ее еще раз. До – ЭО. После – вот это. Дело рук Сидни. Неумолимый изъян ее способности, трещина в его силе. Все-таки Виктор не избежал общего правила, просто закрыл глаза на очевидное.

Митч выругался и провел руками по голове.

– Надо ей рассказать.

– Нет.

– Она все равно узнает.

– Нет, – повторил Виктор. – Пока не надо.

– А когда?

Когда Виктор поймет, что происходит и как это исправить. Когда помимо проблемы будет план и решение.

– Когда это станет критично.

Плечи здоровяка поникли.

– Может, больше не повторится, – предположил Виктор.

– Может, – согласился Митч.

Впрочем, ни один из них в это не поверил.

У. Четыре с половиной года назад. Фултон

Это случилось снова.

И снова.

Три эпизода за неполные шесть месяцев, промежутки между инцидентами становились все короче, а время смерти все длиннее. Именно Митч настоял на том, чтобы Виктор проконсультировался со специалистом. Митч нашел доктора Адама Портера, невысокого человечка с хищным профилем и репутацией одного из лучших неврологов в стране.

Виктор всегда не любил докторов.

Даже тогда, когда сам учился на врача. Он никогда не испытывал желания спасти пациентов. Медицина привлекала его с точки зрения знаний, авторитета, контроля. Виктору хотелось держать скальпель, а не лежать под ним.

А теперь он поздним вечером сидел в кабинете Портера, и гул в черепе как раз начал переходить в покалывание. Конечно, был большой риск дожидаться, что приступ перейдет в активную стадию, но постановка верного диагноза требует проявления четких симптомов.

Виктор уставился на анкету пациента. Описать симптомы можно, а вот выдать детали... куда опаснее. Виктор отложил пустую анкету, даже не потрудившись вынуть ручку.

Доктор вздохнул.

– Мистер Мартин, вы заплатили приличную сумму за мои услуги. Предлагаю грамотно ими воспользоваться.

– Я заплатил приличную сумму за конфиденциальность.

Портер покачал головой и сплел пальцы.

– Что ж, хорошо. В чем заключается ваша проблема?

– Я не совсем уверен. У меня случаются приступы.

– Какого рода приступы?

– Неврологического, – ответил Виктор, балансируя между ложью и недомолвками. – Все начинается со звука, гула в черепе. Он становится все громче, пока не начинает отдаваться в костях. Своего рода волны.

– А потом?

Я умираю, подумал Виктор.

– Я теряю сознание.

Доктор нахмурился.

– И давно у вас эти приступы?

– Пять месяцев.

– Вы перенесли какую-то травму?

«Да».

– Насколько знаю, нет.

– Что-то поменяли в жизни?

– Нет.

– Слабость в конечностях присутствует?

– Нет.

– Аллергии на что-либо?

– Нет.

– Может, какие-то специфические триггеры? Мигрень может быть реакцией на кофеин, свет, стресс, недостаток...

– Мне плевать на причину, – оборвал его Виктор, теряя терпение. – Я просто хочу знать, что происходит и как это исправить.

Доктор сел прямее.

– Тогда давайте проведем кое-какие исследования.

* * *

Виктор наблюдал за линиями на мониторе; диаграмма сильно смахивала на запись толчков перед землетрясением. Портер подсоединил к его голове с десяток электродов и теперь тоже смотрел на энцефалограмму, недоуменно хмурясь.

– Что не так? – спросил Виктор.

Доктор покачал головой.

– Уровень активности аномальный, однако признаков эпилепсии нет. Видите, как близко собираются линии? – постучал он по экрану. – Уровень нервного возбуждения такой, будто у вас слишком высокая проводимость... переизбыток электрических импульсов.

Виктор изучающе посмотрел на линии. Может, ему показалось, но те взмывали и опадали в такт гулу в черепе, пики становились все чаще вместе с нарастающим жужжанием.

Портер прервал исследование.

– Мне нужна более полная картина, – заявил он, снимая электроды с головы Виктора. – Давайте сделаем МРТ.

Комната была пуста, лишь аппарат по центру – труба сканера, в которую должен был захватить стол. Виктор медленно лег на него, пристроив голову в небольшое углубление. Портер закрепил голову пациента на месте специальным каркасом. Стол с металлическим гулом двинулся внутрь машины, комната исчезла, сменившись слишком низким «потолком» аппарата. Сердце Виктора застучало быстрее.

Он услышал удаляющиеся шаги доктора, щелчок двери, а потом через интерком донесся голос:

– Не двигайтесь.

Где-то с минуту ничего не происходило. А потом устройство принялось издавать низкий отрывистый звук, в котором потонул не только гул в черепе, но и вообще все.

Машина стучала, жужжала; Виктор попытался считать секунды, как-то замерить время, но сбился. Минуты уплывали прочь, забирая с собой крупницы контроля. Вибрация снова растеклась по костям, первые искры боли – боли, что Виктор не мог затушить – заплясали по коже.

– Остановите процедуру, – попросил он, но шум машины поглотил слова.

– Мы почти закончили, – сообщил по интеркому Портер.

Виктор отчаянно старался выровнять дыхание, но тщетно. Сердце громыхало. В глазах двоилось. Жуткий гул становился все громче.

– Остановите...

Поток, яркий и ослепительный, прошел Виктора. Он вцепился в края стола; тело накрыла первая волна боли. В памяти всплыл образ Анджи в лаборатории.

– Я хочу, чтобы ты знал, – заявила она, начиная закреплять датчики у него на груди, – что я никогда и ни за что тебе этого не прощу.

Взвыла сирена.

Сканер застонал, содрогнулся, остановился.

Портер был где-то по ту сторону машины, что-то торопливо говорил низким голосом. Стол начал выезжать. Виктор схватился за удерживающие голову путы, ощутил, как они спали. Нужно встать. Нужно...

Поток прошел его снова, да такой сильный, что комната разлетелась на фрагменты – кровь во рту, запинаящееся сердце, Портер, ослепительно-белый луч света, чей-то придушенный крик – а потом все стерла боль.

* * *

Виктор очнулся на столе.

Лампы аппарата МРТ не горели, вход в трубу разукрасили следы ожогов. Виктор сел, борясь с головокружением, и постепенно смог сфокусироваться. Чуть поодаль лежал Портер, весь скрюченный, будто в спазме. Не было нужды щупать пульс или проверять безжизненные нервы доктора. Он умер.

Перед глазами встал другой образ – другой кабинет, и тело Анджи, такое же неестественно изогнутое.

Дерьмо.

Виктор поднялся и осмотрелся. Тело. Разрушения.

Теперь, когда все осталось позади, к нему вернулось обычное спокойствие и хладнокровие. словно затишье после бури. Миг покоя перед тем, как ненастье вернется с новой силой. А оно вернется, это лишь вопрос времени, что значит: следует ценить каждую секунду.

Рядом с рукой Портера лежал шприц. Виктор спрятал его себе в карман и вышел в холл, где оставил пальто. Только достал мобильник, как пришло сообщение от Доминика.

«1 минута 32 секунды».

Виктор глубоко вздохнул и оглядел пустую приемную.

Затем вернулся в смотровую и собрал все записи и снимки. В кабинете Портера Виктор уничтожил все данные о своем визите, включая электронные, порвал бумагу, на которой доктор делал заметки, и ту, что находилась под ней, – для верности. В общем, методично убрал все следы своего пребывания в здании.

Все, кроме трупа.

С ним ничего поделать было нельзя, разве что устроить пожар. Виктор прикинул такой вариант, но в итоге его отбросил. Огонь – вещь капризная, непредсказуемая. Пусть лучше все остается как есть – сердечный приступ, несчастный случай.

Виктор надел пальто и вышел.

В номере Сидни и Митч валялись на диване и смотрели какое-то старое кино. У их ног растянулся Дол. Митч встретился взглядом с Виктором, вопросительно поднял брови, и тот едва уловимо покачал головой.

Сидни скатилась с дивана.

– Где ты был?

– Ходил поразмяться.

Сид нахмурилась. За последние пару недель ее взгляд из тревожного стал более скептическим.

– Тебя несколько часов не было.

– А прежде я несколько лет проторчал взаперти, – парировал Виктор, наливая себе выпить. – После такого сложно усидеть на месте.

– Вот и мне тоже, – поддакнула Сидни. – Поэтому Митч и придумал для нас карточную игру. – Она повернулась к здоровяку. – А почему бы Виктору не сыграть?

Виктор поднял бровь и отпил из стакана.

– А что за правила?

Сидни взяла колоду со стола.

– Если вытягиваешь карту с цифрами, то сидишь дома и что-то учишь, но если попалась картинка – можно выйти на улицу. В основном в парк или в кино, но все равно лучше, чем торчать взаперти.

Виктор остро глянул на Митча, но тот лишь пожал плечами и пошел в ванную.

– Попробуй, – предложила Сид, протягивая колоду. Виктор на миг задумался, поднял руку... но вместо того, чтобы вытянуть карту, выбил их все из ладони Сид. Цветные прямоугольники разлетелись по полу. Затем Виктор присел на корточки, выбирая ту, что понравится.

– Эй! – воскликнула Сид. – Так нечестно.

– Ты не уточняла правила. – Он выбрал короля пик и протянул ей. – Держи. Храни у себя в рукаве.

Сидни долго смотрела на карту, а потом спрятала ее за секунду до возвращения Митча. Здоровяк перевел взгляд с Виктора на Сид и обратно.

– Что у вас тут происходит?

– Ничего, – тут же отозвалась Сидни. – Виктор просто меня дразнит.

Стало даже не по себе от того, как легко она солгала.

Сид вернулась на диван, Дол пристроился рядом с ней, а Виктор вышел на балкон.

Несколько минут спустя дверь за его спиной открылась, и к нему присоединился Митч.

– Ну как? Что сказал Портер?

– У него не нашлось ответов.

– Значит, поищем кого-то другого, – заключил Митч.

Виктор кивнул.

– Скажи Сид, что утром мы уезжаем.

Митч скользнул обратно в комнату. Виктор поставил стакан на перила, достал из кармана шприц и прочитал этикетку. Лоразепам. Противосудорожное. Виктор надеялся узнать диагноз, отыскать лекарство, но пока хотя бы обнаружил способ купировать симптомы.

* * *

– Обычно я не принимаю пациентов после работы.

Виктор сидел за столом напротив молодого врача. Она была стройной, темнокожей, за стеклами очков сверкали добрые глаза. Но какое бы любопытство или подозрения ее ни мучили, доктор работала в Кэпстоуне, городе с мощными правительственными связями. В таких местах царили конфиденциальность и осмотрительность. А длинный язык мог стоять не только карьеры, но и жизни.

Виктор подвинул к врачу пачку банкнот.

– Спасибо, что сделали исключение.

Она взяла деньги и глянула на те несколько строк, что он написал в анкете.

– Чем могу помочь, мистер... Ласситер?

Пытаясь сосредоточиться сквозь нарастающий гул в голове, Виктор слушал, как врач задает те же вопросы, и давал те же ответы. Перечислил симптомы – шум, боль, конвульсии, потеря сознания – опуская то, что можно, привирая там, где придется. Доктор что-то нацарапала в блокноте и задумалась.

– Это может быть эпилепсия, миастения гравис, дистония – иногда сложно четко диагностировать неврологические расстройства, если симптомы пересекаются. Мы проведем несколько тестов...

– Нет.

Доктор подняла глаза от записей.

– Но без точной картины...

– Я уже делал анализы. Результаты были... неубедительными. Я пришел узнать, что вы бы порекомендовали.

Доктор Клейтон села прямее.

– Я не даю рекомендаций, не поставив диагноз, и не ставлю его без четкой картины болезни. Без обид, мистер Ласситер, но одних ваших слов недостаточно.

Виктор выдохнул и подался вперед. А заодно потянулся к доктору – не буквально, но с помощью своей способности, надавил, не переходя грань боли. Легкий дискомфорт, то, что вынуждало незнакомцев отшатываться, а самому Виктору помогало незамеченным продвигаться сквозь толпу. Вот только Клейтон бежать было некуда, и дискомфорт она восприняла как то, чем тот, собственно, являлся – как угрозу. Сражайся-или-беги, хищник и добыча, вот так просто и примитивно.

– В этом городе множество нечистых на руку докторов, – начал Виктор. – Но их уступчивость зачастую обратно пропорциональна их знаниям. Поэтому я здесь. С вами.

Клейтон сглотнула, но заговорила твердо:

– При неправильном диагнозе лечение может скорее навредить, чем помочь.

– Я готов рискнуть.

Доктор испустила судорожный вздох и тряхнула головой, словно проясняя мысли.

– Я бы порекомендовала противосудорожные и бета-блокаторы. – Ее ручка запорхала над бумагой. – Для чего-то помощнее вам придется пройти обследование, – заключила она, вырывая листок.

Виктор взял у нее бумагу и встал.

– Спасибо, доктор.

Два часа спустя он вытряхнул на ладонь таблетки и проглотил их насухую.

Вскоре его сердце стало биться медленнее, жужжание притихло, и Виктор решил, что, возможно, нашел ответ. Две недели прошли сносно.

А потом он снова умер.

VI. Четыре недели назад. Хэллоуэй

Виктор опаздывал и знал это.

С Линденом пришлось повозиться дольше, чем предполагалось – подкараулить, пока все остальные разойдутся и он останется в гараже один. А потом, конечно, дождаться неминуемой смерти и проследить, чтобы та не последовала за ним туда, где они жили последние девять дней. Съемный дом, очередное место краткосрочного пребывания, которые можно забронировать на день, неделю или месяц.

Его выбрала Сидни, сказала, мол, он похож на настоящий *дом*.

Внутри Виктора встретил аромат плавленого сыра и грохот взрыва, что донесся с экрана большого телевизора. Сидни примостилась на подлокотнике дивана, бросая кусочки попкорна Долу, а Митч согнулся у кухонной стойки, расставляя свечи на шоколадном торте.

Все выглядело таким невероятно... нормальным.

Первым его возвращение заметил пес, чей хвост заметался по деревянному полу.

Митч озабоченно глянул на Виктора, но тот лишь отмахнулся.

– Привет, – обернулась через плечо Сидни.

Прошло пять лет, а Сидни Кларк почти не изменилась. Такая же хрупкая, невысокая, круглолицая и круглоглазая, как в день их встречи на дороге. В основном отличия были поверхностными – она сменила радужные легинсы на черные с маленькими белыми звездами, а светлые волосы постоянно прятала под париками, меняя их под настроение. Сегодня вечером Сид выбрала бледно-голубой, того же оттенка, что и ее глаза.

И в то же время Сидни изменилась куда больше остальных. Тембр голоса, немигающий взгляд, то, как она закатывала глаза – Сид явно обзавелась этой привычкой в попытке подчеркнуть свой неочевидный возраст. Телом ребенок, по поведению – подросток.

Она глянула на пустые руки Виктора, и он прочел в ее глазах вопрос: «Неужели забыл?»

– С днем рождения, Сидни, – сказал Виктор.

Эта череда ее дней рождения в его жизни казалась такой странной. Каждый год отмечал не только возраст, но и время, которое девочка пробыла с ним. С ними.

– Я зажгу свечи? – спросил Митч.

Виктор покачал головой и двинулся в коридор.

– Дай мне пару минут переодеться.

Он закрыл за собой дверь и пересек спальню, не зажигая свет. На самом деле, обстановка ему не подходила – голубые и белые подушки, пасторальная картина на стене, книги на полке, больше для украшения, чем для чтения. Последним он, по крайней мере, нашел применение. Неплохая историческая книга лежала открытой, в центре покоился черный маркер. В данный момент левая страница была полностью затемнена, вплоть до последней строки, словно Виктор искал слово и еще не нашел его.

Он скинул пальто и пошел в ванную, закатывая рукава. Включил кран и брызнул водой на лицо; белый шум крана вторил статическому электричеству, что уже вновь зарождалось в черепе. Теперь тишина измерялась минутами, а не днями.

Виктор провел рукой по своим коротким светлым волосам и всмотрелся в отражение: голубые глаза казались волчьими на изможденном лице.

Он терял вес.

Виктор всегда был худым, но теперь совсем истощал: когда он поднял подбородок, свет скользнул по лбу и скулам, и вдоль челюсти, во впадине меж ключицами, залегли тени.

Вдоль задней части раковины выстроился небольшой ряд бутылочек с таблетками. Он потянулся к ближайшему и вытряхнул на ладонь валиум.

Виктор никогда не увлекался наркотиками.

Несомненно, предполагаемый побег от реальности имел некоторую привлекательность, но Виктор никогда не мог смириться с потерей *контроля*. Когда он впервые купил наркотики в Локленде, то вовсе не ради кайфа. Виктор просто пытался покончить с собой, чтобы вернуться кем-то *лучше*.

«Какая ирония», – подумал он и проглотил таблетку.

VII. Четыре года назад Дрезден

Виктор не был завсегдаем стрип-клубов.

Он никогда не понимал их привлекательности – его не возбуждали полуголые тела, извивающиеся фигуры, блестящие от масла, – но Виктор пришел в «Стеклянную башню» не потехи ради.

Он искал определенного человека.

Пока Виктор осматривал клуб, стараясь не вдыхать облако из духов, дыма и пота, чья-то ухоженная рука погладила его по спине.

– Привет, милый, – раздался тягучий голос. Виктор бросил косой взгляд и увидел темные глаза и ярко-красные губы. – Спорим, я бы смогла тебя развеселить?

Вот уж вряд ли. Виктор много чего желал – власти, мести, контроля – но секс никогда не входил в этот список. Даже с Анджи... Разумеется, Виктор хотел ее, хотел внимания, преданности, даже любви. Он заботился о ней, нашел бы способы ее порадовать – и, возможно, сам получил бы от этого удовольствие – но секс тут был ни при чем.

Танцовщица оглядела Виктора с ног до головы, ошибочно приняв его незаинтересованность за стеснение или, возможно, предположив, что он не по девочкам.

Он убрал ее руку.

– Я ищу Малкольма Джонса.

Предприниматель, как он сам себя называл, специализирующийся на всем, что вне закона. Оружие. Секс. Наркотики.

Танцовщица вздохнула и указала на красную дверь в глубине клуба.

– Внизу.

Виктор почти дошел туда, когда в него врезалась маленькая блондинка. Он протянул руку, чтобы помочь ей выровняться, а девушка с певучим акцентом залепетала извинения. Их глаза встретились, и что-то мелькнуло на ее лице, кратчайший проблеск интереса – он даже назвал бы это узнаванием, но они точно никогда не встречались. Виктор отстранился, двинулся в толпу и подошел к красной двери.

Та закрылась за ним, скрыв клуб из поля зрения. Виктор размял руки, шагая по бетонным ступенькам вниз, в недра здания. Коридор был узким, стены выкрашены в черный цвет, а воздух загустел от сигарного дыма. Из комнаты в глубине разразился смех, но путь Виктору преградил парень в плотной черной рубашке.

– Куда-то собрался?

– Да.

Мужик оглядел Виктора.

– Выглядишь как торчок.

– Я в курсе, – ответил Виктор, разводя руки для обыска.

Охранник хлопнул его по бокам, затем повел в комнату.

Малкольм Джонс сидел за большим столом, в дорогом костюме, на стопке банкнот у его локтя лежал блестящий серебряный пистолет. Еще трое расселись кто где; один пялился в экран на стене, другой играл со своим телефоном, третий смотрел на дорожку кокаина, которую Джонс поправлял на столешнице.

Никто из них, кажется, не заметил появления Виктора.

Только Джонс потрудился поднять голову. Он был немолод и обладал тем самым голодным, почти волчьим взглядом, что появляется у наркомана перед приемом дозы.

– Ты кто такой?

– Новый клиент, – просто сказал Виктор.

– Откуда обо мне узнал?

– Птичка напела.

Джонс проглотил это объяснение, явно польщенный мыслью о своей известности. Он указал на пустой стул напротив себя.

– Зачем пришел?

Виктор опустился на стул.

– Наркотики.

Джонс смерил его взглядом.

– Ха, я бы решил, что ты за стволами. Что конкретно тебе надо? Героин? Кокс?

Виктор покачал головой.

– Медикаменты.

– А, ну тогда... – Джонс махнул рукой, и один из его людей встал и открыл шкафчик, показывая множество пластиковых банок с таблетками. – У нас есть окси, фентанил, бензо, адди... – стал перечислять Джонс, пока другой парень выкладывал бутылки на стол.

Виктор прикинул варианты, задаваясь вопросом, с чего начать.

Приступы становились все чаще, и что бы он ни предпринимал, видимой разницы не было. В рамках теории, что его запас силы – нечто вроде батареи и таким образом перезаряжается, Виктор пробовал не пользоваться своим талантом. Когда не сработало, сменил тактику и попытался пользоваться им чаще, мол, надо скинуть излишек энергии. Такой подход привел к тем же самым результатам – гул снова нарастал, становился ощутимым, и Виктор умирал.

Он оглядел строй бутылок с пилюлями.

Виктор мог составить диаграмму электрического потока, по, похоже, не мог его изменить.

С точки зрения науки – тупик.

С точки зрения физиологии – того хуже.

Саму боль он остановить мог до определенной степени, но боль была лишь одним аспектом нервной системы. И лишь одной гранью применения большинства опиатов. Они были глушителями, предназначенными для подавления не только боли, но и ощущений, частоты сердечных сокращений, сознания – и если одного вида недостаточно, ему нужен коктейль.

– Я их возьму, – заявил Виктор.

– Которые?

– Все.

Джонс холодно улыбнулся.

– Притормози-ка, парень. У нас лимит, одна банка в одни руки. Я не могу отдать тебе все свои запасы. Ты ведь загонишь их где-нибудь на углу по тройной цене...

– Я не торговец.

– Тогда тебе и не нужно много. – Улыбка Джонса стала натянутой. – Теперь, что касается оплаты...

– Я сказал, что возьму их. – Виктор наклонился вперед. – Про деньги речи не было.

Джонс рассмеялся безрадостным животным смехом, который тут же подхватили его люди.

– Если решил меня обчистить, надо было хотя бы пушку с собой принести.

– Так я принес, – сказал Виктор. Поднял руку, медленно, словно фокусник, согнул три пальца, вытянул указательный и отставил большой. – Видишь? – спросил он, наставляя «пистолет» на Джонса.

Тому стало не до смеха.

– Да ты кто вообще...

– Бух.

Никакого выстрела – ни отдающегося в ушах эха, ни вылетевшего патрона, ни дыма – но Джонс издал горловой вопль и рухнул на пол как подкошенный.

Трое остальных мафиози попытались схватить оружие, но замешкались от шока. Не успели они нажать на спусковые крючки, как Виктор уничтожил их всех. Никакого рубильника. Никаких нюансов. Лишь чистая сила. Нечто выше боли, когда рвутся нервы и перегорают предохранители.

Бандиты рухнули на пол, как марионетки с обрезанными нитками, но Джонс все еще был в сознании. По-прежнему сжимал грудь, отчаянно ища пулевое ранение, кровь, какой-то физический ущерб под стать тому, что сообщали ему нервы.

– Твою мать... твою мать... – бормотал Джонс с безумными глазами.

Боль, как узнал Виктор, превращала людей в животных.

Он собрал таблетки, побросал пакеты и бутылки в черный кожаный портфель, который нашелся у стола. Джонс дернулся на полу, а потом вдруг подобрался, заметив на столе блеск металла. Потянулся туда, но Виктор чуть повел пальцами, и Джонс без сознания сполз по стене.

Виктор взял пистолет, за которым лез Джонс, и взвесил его в ладони. Вик не испытывал особой привязанности к оружию – оно было практически бесполезно, учитывая его силу. Но в нынешнем состоянии полезно обзавестись чем-то... сверж. Вдобавок никогда не повредит иметь видимый сдерживающий фактор.

Виктор сунул пистолет в карман пальто и застегнул портфель.

– С вами приятно иметь дело, – сказал он затихшей комнате, развернулся и вышел.

В это же самое время...

Джун поправила собранные в хвост волосы и, раздвинув бархатный занавес, скользнула в приватную комнату. Гарольд Шелтон уже сидел там, ждал и нетерпеливо потирал свои розовые ладони о бедра.

– Я по тебе скучал, Джинни.

Джинни в данный момент валялась дома, сражаясь с симптомами пищевого отравления.

А Джун лишь одолжила ее тело.

– И как сильно ты скучал по мне? – спросила она, пытаясь говорить мягко и хрипло. Голос не был идеальным, никогда не был. Ведь голос – это природа и воспитание, биология и культура. Джун могла ухватить тембр вместе с телом, но вечно пробивался родной певучий акцент. Гарольд, кажется, ничего не заметил. Он был слишком занят, разглядывая сиськи Джинни через сине-белый наряд чирлидерши.

Не самый любимый наряд Джун, но это неважно.

Главное, чтобы клиенту нравилось.

Она медленно обошла его, проведя розовыми ногтями по плечам. Когда пальцы коснулись кожи, Джун увидела вспышки жизни Гарольда – не все, только самые яркие кусочки. Они промелькнули в голове, не задерживаясь. Джун знала, что никогда не позаимствует это тело, так что нет нужды знать больше.

Гарольд поймал ее за запястье и притянул к себе на колени.

– Ты знаешь правила, – промурлыкала Джун, высвобождаясь.

Правила клуба были простыми: смотри, но не трогай. Руки на бедрах. На коленях. Да хоть под задницей, неважно, лишь бы девчонки не касался.

– Ты гребаное динамо, – раздраженно проворчал Гарольд и запрокинул голову. Остеклевшие глаза, вонючее дыхание. – За что я вообще плачу?

Джун зашла ему за спину и обвила руками его плечи.

– Ты меня трогать не можешь, – проворковала она, склоняясь к самому уху. – А вот я тебя могу.

Он не увидел проволоки у нее в руках и ничего не заметил, пока удавка не затянулась на шее.

Гарольд забился, но толстый занавес и громкая музыка все заглушили. Да и чем больше дергаешься, тем быстрее у тебя кончается воздух.

Джун всегда любила удавку. Быстро, эффективно, осязаемо.

Гарольд потратил слишком много энергии, цепляясь за провод, а не за ее лицо. Не то чтобы это имело значение.

– Ничего личного, Гарольд, – сказала Джун, пока он топал ногами, пытаясь освободиться.

Так и есть – Гарольд не входил в ее список. Это было просто задание.

Безжизненное тело рухнуло на пол, тонкая полоска слюны повисла с открытых губ.

Джун выпрямилась, вздохнула, убрала провод. Она принялась изучать свои ладони, которые ей не принадлежали. На них остались тонкие, глубокие порезы. Джун их не чувствовала, но знала, что настоящая Джинни проснется с этими ранами и болью.

Извини, Джинни, подумала Джун, вышла из комнаты и задернула за собой занавеску. Гарольд был большим транжирой. Он оплатил целый час Джинни-чирлидерши, что давало Джун добрых пятьдесят минут, чтобы убраться как можно дальше от тела.

Шагая по коридору, она потеряла порезы. По крайней мере, соседи по комнате Джинни были дома – железное алиби. Никто не видел, как Джун входила к Гарольду, и никто не видел, как она уходила, поэтому ей оставалось только...

– Джинни, – прозвучал чей-то голос, слишком близко. – Ты разве не на заказе?

Джун выругалась себе под нос и обернулась. А попутно *изменилась* – четыре года сбора образов всех, кого она коснулась, предоставляли ей обширный гардероб. В мгновение ока она сбросила Джинни и выбрала кого-то еще, тоже блондинку, с такими же волосами, такого же телосложения, но с сиськами поменьше и круглым лицом.

Такая перемена – чертово произведение искусства, и вышибала растерянно моргнул. Джун по опыту знала: когда люди видят то, чего не понимают, то не могут сообразать. «Я видел» становится «Кажется, я видел», затем «Я не мог видеть», а значит «Я не видел». Глаза ненадежны. Умы слабы.

– Сюда можно только танцовщицам и клиентам, мэм.

– Я подглядывать не собиралась, – ответила Джун, с грубым акцентом. – Просто искала дамскую комнату.

Макс кивнул на дверь справа.

– Пойдете назад, откуда пришли, и через весь клуб.

– Спасибоочки, – подмигнула она.

По пути обратно Джун старалась идти спокойно, непринужденно. Сейчас ей хотелось одного: забраться в душ. Со стрип-клубами вечно так. Вонь похоти и пота, дешевой выпивки и грязных денег была такой густой, что буквально липла к коже и не отпускала до самого дома. Хотя все это лишь игра фантазии: Джун не могла чувствовать, ощущать запахи и вкусы. Одолженное тело – оно такое. Одолженное.

Она миновала уже половину пути, когда врезалась в мужчину, худого, светловолосого, одетого во все черное. Ничего особенного, в подобном месте бизнесмены пялились на голых женщин наравне с обычными холостяками, но Джун нечаянно задела его руку и увидела... пустоту. Ни деталей, ни воспоминаний.

Мужчина почти не обратил на нее внимания и уже пошел прочь. Он скрылся за красной дверью в глубине клуба. Джун заставила себя шевелиться, хотя весь ее мир только что замер.

Неужели? Каковы шансы...

Ничтожны, однако все же не нулевые. Несколько лет назад ей попался еще один парень, молодой, с ним она столкнулась на улице летней ночью. Джун пришлось запрокинуть голову, ему нагнуться. Джун ощутила тот же холод, ту же черноту там, где должны были храниться воспоминания. Когда месяцами с одного прикосновения собираешь образы и формы, такое отсутствие информации сбивает с толку, дезориентирует. Тогда Джун не знала, в чем дело –

с ним что-то не так, с ней самой, это такая особенность или глюк – а потом проследила за парнем и увидела, как он провел рукой по капоту машины. Внезапно заурчал мотор. Вот тогда она поняла: парень – *другой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.